МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

«...ЛЕГКИЕ УЗОРЫ»

ПОЛТОРА века назад, придумав рисунок к своему «Евгению Онегину», Пушкин просил брата: «...найди искусный и быстрый карандаш». И теперь, глядя на знаменитые рисунки Николая Васильевича Кузьмина, так и кажется, что поэт мечтал именно о таком иллюстраторе своего гениального романа в стихах.

Искусное и быстрое перо Кузьмина сотворило подлинное чудо: его рисунки, кажется, сами, непроизвольно возникают на полях стихотворных страниц, как будто витавшие где-то в нашем, читательском воображении образы и представления удивительным образом материализовались, не лишившись при этом своей воздушности. Так и просится на уста пушкинское: «на стеклах легкие узоры...».

Невольно вспомнишь, что бабушка художника, изображенная им в автобиографической книге «Круг царя Соломона», была кружевницей. Николай Васильевич описал, как плела она кружевной конец для полотенца с простодушной надписью: «Каво люблю — таво дарю».

Кузьминские «узоры» — прекрасный дар и Пушкину, и всей великой литературе нашей. Читаешь его воспоминания о работе над лесковским «Левшой»: «Я работал исподволь, втихомолку... и никому из посторонних не показывал сделанного», — и вдруг тебя осеняет, что это совершенно в духе самого сказа о тульских мастерах, которые, «ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете».

Кузьмин говорит, что иллюстратор, как и актер, должен влюбиться в свою роль, даже самую маленькую, чтобы суметь сыграть ее. И от всех созданных им образов веет этой великой и целомудренной, часто таящейся за улыбкой любовью. Как бесконечно обаятелен его Пушкин — ничуть не прикрашенный, с живой переменчивостью неправильных черт, застигнутый художником в самые разные минуты его бытия — от моцартовски беспечных до обремененных тягостными раздумьями.

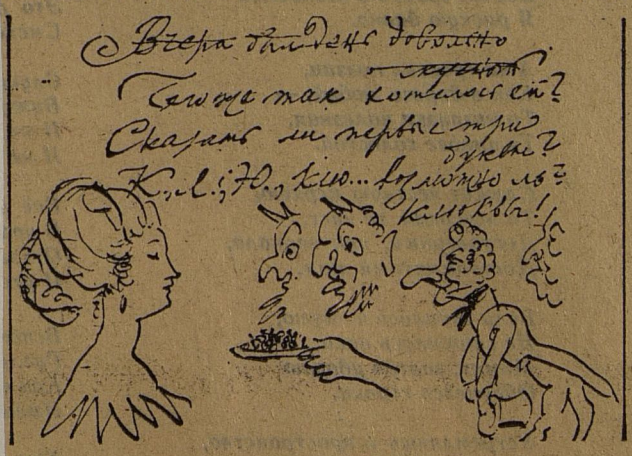
И как хватает за сердце незатейливый вроде бы рисунок — Левша с товарищами, идущие на богомолье перед тем, как приняться за свой труд: удаляющиеся от нас по грязной дороге три странника, этакий любовно-улыбчивый вариант васнецовских богатырей, скромные, безымянные атланты отечественной славы, так часто остававшиеся забытыми... Эта пронзительно лирическая нота словно бы предвещает все дальнейшие трагические перипетии судьбы лесковского героя.

«Первая добродетель иллюстратора — умение читать», — со смешинками в глазах доверительно сообщает нам художник в одной из своих статей, составивших целую книгу — «Штрих и слово». Но шутка шуткой, а так читать, как это делает Кузьмин, — редчайшее искусство. Весь свой долгий век бродит он не только по главным проспектам нашей литературы, но и по ее проселкам, как улыбчиво окрестил однажды мимолетные, незавершенные пушкинские наброски, и по вовсе забытым ее уголкам, воскрешая для современного читателя, к примеру, «Краткие замысловатые повести» из некогда столь знаменитого «Письмовника» «профессора и кавалера» Николая Курганова.

Разглядываешь недавнее издание пушкинских эпиграмм, перебираешь давние кузьминские подарки нам — «Графа Нулина», «Записки сумасшедшего», прутковские «Плоды раздумья», вспоминаешь сказанное им однажды: «Я и сейчас, на склоне лет, сохранил надежду, что, может быть, не раз «над вымыслом слезами обольюсь» и что далеко еще не закончен мой список любимых книг и новых, мне не ведомых имен», — и (жаден человек!) не терпится увидеть новые кузьминские «рукоделия» и снова ощутить в них «фамильное» кредо художника:

— Каво люблю — таво дарю!

Андрей ТУРКОВ



Иллюстрации Н. В. КУЗЬМИНА к произведениям Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лескова.

- *Дневник Онегина.*
- *«Горе от ума». Загорецкий.*
- *«Записки сумасшедшего».*
- *«Левша». Атаман Платов.*